

УЕЗДНЫЕ И ВОЛОСТНЫЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 г.

© Дмитрий Владимирович КОЛЧИНСКИЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра российской истории,
e-mail: kolchinskyd@mail.ru

Исследование посвящено важному сюжету для понимания характера и особенностей развития революционного процесса в Тамбовской губернии. Исследуются особенности становления и деятельность общественных исполнительных комитетов в Тамбовской губернии – новых органов местной власти, образованных в первые революционные месяцы 1917 г. Включив в свой состав обширные демократические элементы, не придерживаясь никаких партийных программ и политических течений, они, тем не менее, оказывали существенное влияние на общественную жизнь в губернии, пользовались поддержкой у местного населения. Подробно рассматривается численность, состав, специфика работы уездных и волостных комитетов в 1917 г. Формирование комитетов «снизу» на коалиционной основе позволяет более широко взглянуть на проблему власти в период мирного развития революции. Анализируются особенности внутрикомитетской борьбы за власть весной–летом 1917 г. Особое внимание уделяется рассмотрению отношения местного населения к созданию, стихийности образования, постепенному угасанию общественного интереса к деятельности комитетов. Источниками исследования стали материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Тамбовской области, газетные публикации 1917 г.

Ключевые слова: общественные исполнительные комитеты, революция 1917 г., власть, самоуправление, политическая борьба.

Немедленно по получении известий о февральском революционном перевороте в Петрограде, в Тамбовской губернии стали формироваться новые органы власти под общим наименованием общественных исполнительных комитетов. Спешность их создания была обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, политическая пассивность губернатора А.А. Салтыкова и его окружения, выражавшаяся в нежелании признавать свержение монархии и попытке запретить распространение этой новости, вызвали негативную реакцию не только у гласных Тамбовской городской думы, но и у ряда чиновников. Они опасались, что сокрытие неясных, противоречивых, но важных известий может привести к эксцессам. Архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл отмечал, что некоторым из присутствующих на совещании вечером 1 марта у губернатора казалось, что задержка этих телеграмм вызовет беспокойство населения, «...среди обывателей может появиться тревога, которую будут питать разные слухи, получаемые от приезжих, и другими путями» [1, л. 2]. Как показали дальнейшие события, их опасения не были напрасны.

Во-вторых, с упразднением Временным правительством губернаторов, вице-губерна-

торов, градоначальников, полиции, исправников и других властных структур возник вакуум власти, который необходимо было заполнить. Следом за падением трона обвалились губернские и уездные уровни монархического режима. По замечанию немецкого историка М. Реймана, Февраль 1917 г. «не был только революцией, выступлением народных масс против старого режима; самостоятельным элементом событий было крушение старой административной и политической системы, начавшийся процесс быстрого распада прежнего строя жизни». По этому поводу М. Флоринский заметил: «Немного есть примеров в истории человечества, когда слабость и непригодность политического режима выявились с такой поразительной силой» [2, с. 78; 3, р. 265].

Наконец, в появлении новых институтов местного самоуправления ярко проявилась потребность в самоорганизации общества в связи с начинавшимися беспорядками, зачинщиками которых иногда выступали лица «со стороны». Так, утром 3 марта в Козлове полиция и жандармы были обезоружены приехавшими из Москвы солдатами, власть передана командованию гарнизона, а уже на следующий день был организован Городской исполнительный комитет и городская милиция [4].

Организация комитетов в губернии была синхронной и скоротечной. Одновременно с Козловом 4 марта был избран Временный исполнительный комитет в Моршанске, 6 марта организовался Гражданский комитет в Усмани, 7 марта – Общественный комитет в Темникове и Борисоглебске, 9 марта – Шацкий исполнительный комитет и Комитеты общественной безопасности в Кирсанове и Лебедяни [5]. Примечательно, что в промышленном селе Рассказово комитет был избран еще 3 марта, что, скорее всего, было связано с близостью губернского центра [6, с. 4-7].

На оперативность возникновения общественных комитетов влияло также наличие / отсутствие политических активистов, в основном из интеллигенции и рабочих. В том же Рассказове вечером 3 марта сразу после получения газеты «Тамбовский земский вестник» с изложением последних известий по инициативе местных общественных деятелей и фабричных рабочих состоялось собрание, на котором был избран Комитет общественной безопасности и командирована депутация к местному воинскому начальнику, который охотно согласился оказывать комитету поддержку [7].

В крупных селах исполкомы образовывались стихийно в ходе общих собраний, как это произошло в с. Мучкап Борисоглебского уезда. 10 марта на митинге в присутствии 6 тыс. жителей, в основном крестьян, после речей двух приехавших из Тамбова солдат был избран распорядительный комитет; село условно разделили на 12 частей, «от каждой сотни дворов в комитет избран представитель» [8]. В селе Уварово того же уезда исполнительный комитет организован 9 марта также на митинге [9].

Подчеркивая стихийность возникновения первых местных революционных органов, Г.А. Герасименко отмечал: «Народ властно вмешивался в дело создания нового аппарата управления и оказывал на него определяющее влияние» [10, с. 39]. Действительно, как видно из документов, политическая активизация населения не была запланирована и подготовлена, а создание комитетов не было одобрено законодательно ввиду быстротечности происходящих в стране событий.

По социальному составу комитеты были демократичны, строились на широкой коалиционной основе, в них заседали представители различных общественных организа-

ций. Так, в Уваровском исполнительном комитете из 16 его членов 8 были крестьянами-земледельцами, по 1 – от купечества и судебных органов, а также агроном, земский врач и 3 разночинца [9].

В Лебедяни Комитет общественной безопасности формировался поэтапно, от заседания к заседанию, в обстановке споров и обсуждений. На первом заседании в состав комитета вошел 31 член: по 5 от земства, творческой интеллигенции и мещан, по 3 – от служащих земства и казенных учреждений и представителей от города, по 2 – от союза потребительских обществ, офицеров и солдат 213-го запасного пехотного полка и 1 железнодорожник. Ко второму заседанию в него дополнительно были включены 5 представителей от «трудящегося населения», 3 приказчика и 1 – от Лебедянского кредитного общества. На третьем заседании в состав комитета были добавлены по 2 представителя от 13 волостей и 5 – от сельских учителей.

Большие споры вызвал вопрос о включении в комитет представителей духовенства. Было решено ввести в состав двух представителей клира. В итоге состав Лебедянского Комитета общественной безопасности возрос до 75 человек, что делало его малоприспособленным для повседневной работы [11]. Рыхлость состава при отсутствии единых норм представительства – характерная черта периода становления новых органов управления. (Показательно, что в это же время и Петроградский совет насчитывал более 2 тыс. депутатов, избранных на местах произвольно и часто – самовыдвиженцев).

Такая картина вполне типична для первых недель революции. В небольшом Шацке (около 15 тыс. жителей) Исполнительный комитет состоял из 35 членов: 26 представителей от волостей (по одному от волости), по 3 представителя от земства и города, а также рабочий, солдат, кооператор [12, ед. хр. 25, л. 22].

В Кирсанове организовался комитет только из 8 представителей от горожан и гарнизона (в их числе 1 офицер и 2 солдата), по одному месту было дано представителям от земства и города, 3 – от различных городских общественных организаций [13]. В данном «раскладе», вероятно, проявилось то, что стоявший в городе и окрестностях 3-й запасной кавалерийский полк, численность которого заметно превышала количество горожан, немедленно примкнул к революции,

расправившись с несколькими «старорежимными» офицерами. Через два дня, 7 марта, уже по инициативе земских служащих создается уездный исполнительный комитет; он затем был пополнен представителями волостей, земских и городских служащих. Общая его численность составила 54 человека. Комитет покинули делегаты солдат и офицества (в полку и гарнизоне к этому времени возникли воинские комитеты).

Таким образом, местные общественные комитеты на уровне уездных городов и сел Тамбовской губернии строились на широкой коалиционной основе, включая разные социальные слои. С одной стороны, «дыхание революции» объясняет малую долю представителей «старых» сословных организаций (мещан, купцов, приказчиков и др.), отсутствие духовенства. С другой стороны, в комитетах заметно наличие незначительного количества представителей общественных демократических и кооперативных организаций (потребительских и кредитных сообществ), не имевших в губернии большого влияния в обществе ввиду их малочисленности.

В то же время создание комитетов в ряде мест не вызывало поддержки у населения. Так, в Борисоглебске гражданскую и политическую активность при формировании общественного комитета проявили только рабочие, прислав 4 марта на его заседание 13 делегатов, которые были вынуждены вернуться назад, оказавшись единственными среди всех общественных организаций. «От других организаций представители не избраны; граждане Борисоглебска не торопятся», — отмечала газета «Борисоглебское эхо» [14].

20 марта в с. Сасово Елатомского уезда был образован Районный комитет с перспективой его дальнейшего переформирования в уездный. Елатьму власти Сасова об этом факте решили не уведомлять из-за давнего противостояния двух центров. Оно заключалось в желании руководства села преобразовать его в уездный город, что автоматически превращало Елатьму в заштатный город, лишенный уездного административного статуса. Эти претензии имели веские мотивы. Елатьма к концу XIX в. утратила свои экономические и географические преимущества перед Сасовом, что наглядно проявилось и в депопулизации ее населения. Сасово, связанное железной дорогой с Рязанью и Казанью, напротив, быстро развивалось [15, с. 179-189].

Большинство волостей уезда экономически и культурно тяготели к Сасову. А в период весеннего половодья Елатьма оказывалась отрезанной разлившейся Окой, как это случилось в марте 1917 г., когда на организационное собрание уездного комитета не смогли попасть делегаты из 19 волостей. Организационное бюро Сасовского исполнительного комитета потребовало от губернского комиссара перенести центр уезда из Елатьмы в Сасово [12, ед. хр. 25, л. 125об.], на что был получен лаконичный ответ-отписка: «перемещение центра уезда... не в моей власти» [12, ед. хр. 25, л. 11].

С одной стороны, этот эпизод характерен для того периода революции, когда оформлялись новые органы власти, чьи функции не были разделены законодательно, а общеполитические позиции не успели определиться, что порождало неразбериху, которую не всегда следует принимать за политическую борьбу. С другой стороны, в 1917 г. чем дальше, тем больше каждый местный конфликт принимал политический оттенок.

Деятельность созданных «снизу» местных комитетов никак не была закреплена законодательно, их инициатива воспринималась новой губернской властью с недоверием: новые общественные органы самоуправления воспринимались правительственными комиссарами как помеха.

Как известно, после Февральской революции распоряжением главы Временного правительства кн. Г.Е. Львова управление губерниями было возложено на председателей губернских управ, обязанности уездных комиссаров возлагались на председателей уездных земских управ. В результате стихийно возникшие комитеты конкурировали с комиссарами, с которыми они вынуждены были считаться, не имея возможности их контролировать. Так, единственным выходом из ситуации описанного конфликта в Елатомском уезде оказалось создание губернским комиссаром Давыдовым, с разрешения министра внутренних дел, должности сасовского помощника комиссара с наделением его всеми полномочиями и самостоятельными правами [12, ед. хр. 19, л. 82]. Тем самым, фактически с разрешения губернских властей в Елатомском уезде возникло многовластие.

Теперь в Елатьме стал заседать исполнительный комитет, формально обладавший властью в уезде, поддерживаемый губернским комиссаром. Одновременно в уезде ра-

ботал комитет с. Сасова, официально не имеющий властных полномочий в решении общеуездных вопросов, но поддерживаемый абсолютным большинством населения. В телеграмме от 22 марта 1917 г. на имя Ю.В. Давыдова отмечалось, что деятельность Сасовского комитета «является практически в данном районе руководящей» [12, ед. хр. 19, л. 127].

При всей локальности конфликта в отдаленном углу Тамбовской губернии он вполне показателен и достаточно типичен для провинции весной 1917 г. и потому заслуживает более детального разбора.

Собственно, борьба за власть в Елатомском уезде возникла на почве недовольства жителей уезда уездным комиссаром П.В. Неклюдовым, прежде возглавлявшим уездное земство. Сасовский комитет потребовал заменить П.В. Неклюдова лицом, «пользующимся общественным доверием, не тайным противником нового строя» [12, ед. хр. 19, л. 125об.]. После добровольной отставки П.В. Неклюдова Елатомский комитет без ведома губернского комиссара назначил уездным комиссаром преподавателя мужской гимназии С.А. Макарова, а его помощником – студента Петроградского Политехнического института И.С. Сидорова [12, ед. хр. 19, л. 181-183]. Однако 26 апреля экстренное собрание Сасовского комитета объявило себя законной властью в уезде и решило направить депутацию к Ю.В. Давыдову с требованием признать его таковым, пригрозив в случае отказа обратиться в Петроград к министру внутренних дел с жалобой [12, ед. хр. 19, л. 42-42об.]. Ю.В. Давыдов же, со своей стороны, понимая, что Сасовский комитет в уезде имеет большой политический вес, назначил уездным комиссаром землевладельца А.В. Ермолова – председателя Сасовского районного комитета, о чем и сообщил ему телеграммой от 29 апреля.

Получив властные полномочия, А.В. Ермолов перестал считаться с Елатомским уездным комитетом, чем еще более углубил конфликт. В резолюции Елатомского уездного земельного комитета отмечалось, что «члены уездной земской управы поставили вопрос о комиссаре на суждение уездного земского комитета и ...находят, что комиссар Ермолов в своих распоряжениях не считается с волей трудового народа, игнорирует его нужды, окружив себя сотрудниками, сочувствующими капиталистическим стремлени-

ям, ...в течение 2 ½ месяцев не были им созваны представители 7 волостных и городского исполнительного комитета для выражения доверия» [12, ед. хр. 20, л. 220]. 17 августа А.В. Ермолов подал в отставку, 19 августа освободившийся пост был занят уездным учителем Орловым [12, ед. хр. 20, л. 221, 223-223об., 257].

Крупные уездные центры губернии в меньшей степени были затронуты личными амбициями местных «заправил», и вопросы организации новой власти обычно решались в рамках установленных процедур. Так, в Моршанске созданный 4 марта Временный Исполком к середине марта был преобразован в уездно-городской, включив в свой состав представителей городского Совета солдатских и рабочих депутатов, набиравшего популярность. Сотрудничество с Советом позволило комитету выглядеть в глазах жителей более легитимно, смягчало его «буржуазность», расширяло социальную базу. Объясняя источники власти объединенного комитета, его председатель, присяжный поверенный, беспартийный поручик В.В. Кротков подчеркивал, что его возникновение было вызвано революцией и под ее исключительным влиянием, а формирование проходило на широкой коалиционной основе «путем принятия в свой состав представителей от существовавших ранее организаций г. Моршанска и его пригородов и от организаций, образованных под влиянием революции» [12, ед. хр. 1, л. 1об.].

К началу июля 1917 г. работа уездных исполнительных комитетов начинает затухать, депутаты теряли к ним интерес как органам, способным решить проблемы политического характера, а хозяйственные вопросы успешно решались городскими думами и волостными комитетами на местах. Борьба за политическое влияние переместилась в Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Хотя упоминания о деятельности некоторых уездных комитетов встречаются и в октябре–ноябре 1917 г., их существование к этому времени стало номинальным. Стремительно меняющаяся общественно-политическая ситуация в стране вынуждала власть искать представительные органы, обладающие реальным авторитетом и доверием у населения. В обстановке погромов и поджогов усадеб богатых землевладельцев, огнем которых была охвачена Тамбовская губерния,

городских бунтов центр политического притяжения окончательно смещается на сторону Советов.

1. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 797. Оп. 96. Ед. хр. 295.
2. Рейман М. Заметки по 1917 г. // Россия в XX в.: Судьбы исторической науки. М., 1996.
3. Florinsky M. The End of the Russian Empire. New Haven, 1931.
4. Тамбовский земский вестник. 1917. 21 марта.
5. На путях к Октябрю. URL: <http://temnikov-city.ru/index/0-25> (дата обращения: 13.08.2014).
6. 1917–1918. Хроника революционных событий Тамбовской губернии / сост. П. Крошницкий, С. Соколов. Тамбов, 1927.
7. Тамбовский земский вестник. 1917. 12 марта.
8. Тамбовский земский вестник. 1917. 18 марта.
9. Тамбовский земский вестник. 1917. 21 марта.
10. Герасименко Г.А. Первый акт народовластия России: Общественные исполнительные комитеты (1917 г.). М., 1992.
11. Тамбовский земский вестник. 1917. 25 марта.
12. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 1058. Оп. 1.
13. Тамбовский земский вестник. 1917. 9 марта.
14. Борисоглебское эхо. Газета местной и областной жизни. 1917. 8 марта.
15. Тамбовская энциклопедия / гл. науч. ред. Л.Г. Протасов. Тамбов, 2004.

UDC 94(47).084.3

COUNTY AND DISTRICT EXECUTIVE COMMITTEES IN TAMBOV PROVINCE IN 1917

Dmitry Vladimirovich KOLCHINSKY, Tambov State University named after G.R. Derzhavin Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student of Russian History Department, e-mail: kolchinskyd@mail.ru

The article is devoted to understanding the important subjects, nature and characteristics of the development of the revolutionary process in the Tambov province. The article examines the features of the formation and functioning of the executive committees of the public in the Tambov province. These were new local governments, which were formed in the early months of the 1917 revolution. In their structure had extensive democratic elements, they do not adhere to any third-party programs and political movements. Despite this, the Committee shall make a significant impact on the social life of the province, enjoyed the support of the local population. Formation of Committees "below" on a coalition basis allows a broader look at the problem of power in the period of peaceful development of the revolution. The author describes in detail the size, composition, characteristics of the county and township committees in 1917, particularly the struggle for power within the committee in the spring and summer of 1917. Particular attention is paid to the relationship of the local population to create, spontaneous formation, the gradual extinction of the public interest in the activities of the committees.

Research sources materials were stored in the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Tambov region, newspaper publishing in 1917.

Key words: public executive committees, revolution of 1917, power, government, political struggle.

1. RGIA (Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv). F. 797. Op. 96. Ed. khr. 295.
2. Reyman M. Zametki po 1917 g. // Rossiya v XX v.: Sud'by istoricheskoy nauki. M., 1996.
3. Florinsky M. The End of the Russian Empire. New Haven, 1931.
4. Tambovskiy zemskiy vestnik. 1917. 21 marta.
5. Na putyakh k Oktyabryu. URL: <http://temnikov-city.ru/index/0-25> (data obrashcheniya: 13.08.2014).
6. 1917–1918. Khronika revolyutsionnykh sobytiy Tambovskoy gubernii / sost. P. Kroshitskiy, S. Sokolov. Tambov, 1927.
7. Tambovskiy zemskiy vestnik. 1917. 12 marta.
8. Tambovskiy zemskiy vestnik. 1917. 18 marta.
9. Tambovskiy zemskiy vestnik. 1917. 21 marta.
10. Gerasimenko G.A. Pervyy akt narodovlastiya Rossii: Obshchestvennye ispolnitel'nye komitety (1917 g.). M., 1992.
11. Tambovskiy zemskiy vestnik. 1917. 25 marta.
12. GATO (Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti). F. 1058. Op. 1.
13. Tambovskiy zemskiy vestnik. 1917. 9 marta.
14. Borisoglebskoe ekho. Gazeta mestnoy i oblastnoy zhizni. 1917. 8 marta.
15. Tambovskaya entsiklopediya / gl. nauch. red. L.G. Protasov. Tambov, 2004.

Поступила в редакцию 2.10.2014 г.